

Изъ жизни степныхъ уѣздовъ Сырь- дарьинской области.

Зима 1879—1880 года въ степномъ, ко-
чевомъ населеніи Туркестанскаго края на-
долго останется въ памяти.

Небывалое изобиліе снѣга, при сравнитель-
но сильномъ холода, застали кочевника вра-
сплохъ. Недостатокъ запаса хлѣба для про-
кормленія семьи и камыша для корма скота
повлекли за собою голодъ и безкормицу
со всѣми ихъ ужасающими послѣдствіями.

Скотъ, въ особенности мелкій, какъ бара-
ны и козы, началъ валиться большими табу-
нями. Люди, елва защищенные отъ стужи ды-
рявыми войлочными юртами, или же глино-
битными саклями (кстау), совершенно непри-
способленными для теплого жилья, да еще
съ пустымъ желудкомъ—заболѣвали и уми-
рали.

Такое ужасное бѣдствіе обрушилось глав-
нымъ образомъ на кочевое населеніе Турке-
станскаго, Перовскаго и частично Казалинскаго
уѣздовъ. Который изъ первыхъ двухъ потер-
пѣлъ больше—сказать трудно; эти уѣзды, по
благосостоянію кочеваго населенія, находятся
почти въ одинаковыхъ условіяхъ.

Принятыми къ отвращенію этой бѣди мѣ-
рами были достигнуты весьма слабые резуль-
таты. Такое бѣдствіе обыкновенно требуетъ
весьма быстрой и существенной помощи; а
что можно сдѣлать, когда площади этихъ уѣз-
довъ, въ особенности Перовскаго, на столько
велики, что известіе къ административному
пункту можетъ достигнуть изъ отдаленныхъ
волостей не раньше 3—4-хъ дней? Между
тѣмъ голодъ не ждетъ!

А тутъ еще нужно время, чтобы сдѣлать
какое либо распоряженіе—пройдетъ мини-
мумъ еще 3—4 дня и то уже невѣроятно
скоро; этихъ-же 6—8 дней даже съ избы-
комъ достаточно для того, чтобы голодающее
населеніе убавилось на значительный про-
центъ.

Какими-же средствами располагаетъ уѣзд-
ная администрація на случай такихъ бѣд-

ствий? .. Весьма слабыми, или лучше сказать—
никакими! Деньгами—ихъ можно расходо-
вать лишь съ разрешеніемъ вышней власти.

Хлѣбомъ—запасовъ его неѣть... Вотъ и ле-
тятъ телеграммы съ просьбами о разрешеніи
расходовъ на покупку хлѣба или на выдачу
денежныхъ пособій. Пока тамъ что еще бу-
детъ, когда послѣдуетъ разрешеніе, будетъ
закупленъ хлѣбъ, разошлеется нуждающимся,
это, по русской пословицѣ: „Улитѣ ѿдетъ, да
когда-то булетъ“! А пародъ отъ голода пух-
нетъ и мретъ...

Въ эту злополучную зиму принимались все-
возможныя мѣры. Напримѣръ, забирался у
богатыхъ туземцевъ хлѣбъ, по установленнымъ

цѣнамъ, раздавался нуждающимся; раздава-
лась также и денежная пособія... Что-же
было достигнуто этими мѣрами? Казалось,
бѣдствіе было отвращено, а въ дѣйствитель-
ности оно прітихло само собою лишь съ на-
ступленіемъ теплого времени, когда оголен-
ный, зачахшій отъ голода кочевникъ имѣлъ
возможность бросить свое гнѣздо и поплес-
тись въ сосѣднія волости, какъ голодный волкъ,
отыскивая себѣ пропитаніе.

Въ Перовскомъ уѣздѣ напримѣръ: началь-
никъ его подполковникъ В. И. К-нъ вошелъ
въ соглашеніе съ богатымъ киргизомъ, по-
мочь населенію хлѣбомъ, который-бы тотъ
закупалъ, съ придачею въ помощь казенной
субсидіи и съ условіемъ выдавать киргизамъ
муку по закупнымъ цѣнамъ, съ надбавкою
лишь процента, употребленного на расходы
по перевозкѣ, или же, если того пожелаютъ
киргизы—подъ будущій урожай.

На-скоро были отправлены приказчики кир-
гиза въ Чиназъ, для закупки хлѣба, а для
скорѣйшаго доставленія его въ уѣздъ, под-
полковникомъ К. испрошена была экстрен-
ная командировка одного изъ пароходовъ су-
ществовавшій еще тогда Аральской флотиліи.
До прихода этой помощи К., имѣющимися
подъ рукою средствами, надѣялся поддержать
существованіе бѣдствующихъ.

И что-же изъ этого вышло? Киргизъ дѣло свое сдѣлалъ добросовѣстно; закупилъ въ Чиназъ до 5/т. пудовъ разнаго рода хлѣба, сложилъ его на берегу Сыра, въ ожиданіи парохода и тѣмъ дѣло пока окончилось. Командированный для этой цѣли пароходъ „Ташкентъ“ тотчасъ-же двинулся къ Чиназу, какъ только вскрылась Сырь-дарья.

Сидитъ киргизъ съ хлѣбомъ и ждетъ; получилъ свѣдѣнія, что пароходъ давно уже въ пути, а все дождаться его не можетъ.

Недѣлю ждетъ и мѣсяцъ ждетъ, а парохода нѣть, какъ нѣть! Посовѣтовали емуѣхать въ Ташкентъ, просить начальство разрѣшить сплавить купленный хлѣбъ внизъ по рѣкѣ, на баркасахъ, стоявшихъ безъ всякаго употребленія въ Чиназѣ. Разрѣшеніе получено. Нагрузились баркасы, вмѣстили весь хлѣбъ и двинулись наконецъ. Нанятые рабочіе-киргизы, не видавшиѣ никогда такой посудины и не имѣя понятія объ управлѣніи ею, на волю Божію закружились по теченію. Плынутъ квадратные баркасы, кружась какъ блюдце въ ведрѣ воды, то однимъ, то другимъ бокомъ налетая на обрывистые берега, а то и на мель.

Сѣль барказъ на мель, влѣзли въ воду киргизы (а ихъ всего-то человѣкъ пять на грузъ въ 2—2½ т. пудовъ), качаютъ посудину изъ стороны въ сторону, а она все ни съ мѣста! Умучатся до изнеможенія и въ сознаніи полной своей беспомощности усядутся на мѣшки съ хлѣбомъ, думая думу крѣпкую: какъ помочь горю? А Сырь быстрымъ теченіемъ къ засѣвшему баркасу прибавляеть, да прибавляетъ илу. Вотъ иломъ уже бортъ затягиваетъ и съ ужасомъ ждутъ киргизы: что-то будетъ? Народъ-бы собрать, да на берегахъ ни одной юрты не видно. А Сырь дѣлаетъ свое дѣло. Со стороны теченія барказъ затягиваетъ иломъ, а съ противной стороны тѣмъ-же теченіемъ вырывается иль изъ подъ баркаса. Замѣтно баркасъ накренивается по теченію... Вотъ его какъ будто раскачиваетъ и повертываетъ на одномъ мѣстѣ.. Вотъ онъ задвигался; сначала тихо, почти даже и незамѣтно, дальше скорѣе и скорѣе... А вотъ совсѣмъ пошелъ, на струю направляется... Обрадовались рабочіе! Снова въ воду повскакали и пошли, держась ру-

ками за борты, будто теченію помогаютъ.

Наконецъ успокоились—Слава Аллаху—плынуть. А пока Сыръ посадилъ злополучный баркасъ на мель и самъ-же смылъ эту мель, насадивши рядомъ другую, прошло сутки, а то и больше.

Какъ только не пошли ко дну эти баркасы—одному Аллаху извѣстно!

И вотъ такимъ-то образомъ доплелись баркасы до Перовскаго уѣзда ровно въ мѣсяцъ.

Хотя и много запоздала эта помощь, а все-таки многимъ еще дала она жить. А гдѣ-же экстренно командированный пароходъ „Ташкентъ“? Да все еще въ пути... На пути онъ засталъ перекочевку киргизъ, которымъ потребовалось переправлять свой скарбъ и скотъ съ одного берега на другой. Вотъ этой-то перевозкой и занялся экипажъ парохода, благо дѣло-то было не безвыгодное. А то и такъ случалось: на полпути до станціи не хватаетъ дровъ. Пароходъ мирно причаливаетъ къ берегу, человѣкъ восемь экипажа на шлюпкѣ поднимаются вверхъ по теченію, къ мѣсту, гдѣ складъ дровъ, набираютъ ихъ и возвращаются къ пароходу. Такая операциѣ, глядишь и отняла сутки плаванія, тѣмъ болѣе, что посланные не особенно-то торопятся, да и не легко пройти на веслахъ верстъ 15—20 вверхъ по теченію, скорость котораго до 4½ верстъ въ часъ. Возобновивъ запасъ дровъ, пароходъ движется въ путь, глядь, а тамъ опять дровъ не хватаетъ! Опять причаливай, опять посытай за дровами. И такъ, пока дойдутъ до станціи, раза два или три нужно возобновлять запасъ топлива. Смотришь, сутокъ трое-четверо прошло, а пароходъ какъ будто и съ мѣста не сходилъ!..

А то и такъ бывало: вдругъ машина парохода не можетъ осилить быстроты теченія и пароходъ потянетъ назадъ; экипажъ становится въ лямки и тянетъ бичевою пароходъ, а за нимъ и баржу.

Такими-то способами пароходъ „Ташкентъ“ наконецъ достигъ цѣли своего плаванія, Чиназа, едва-ли не на 70-й день своего плаванія...

Но такъ или иначе, а Перовскому уѣзду помощь все-така была подана.

Привезенную на баркасахъ муку многие раз-

бирали подъ будущій урожай, а многие и на деньги, и пудъ обошелся имъ въ 1 р. 30 к. и 1 р. 40 к. Это значительно дешевле, чѣмъ по базарной цѣнѣ, которая почти до септибря въ Перовскѣ колебалась между 3 и 4 р. за пудъ. И вотъ остался несчастный киргизъ послѣ этой зимы безъ скота, безъ одежды и даже безъ крова.

Думалъ народъ справиться съ бѣдой. На кочевку идти—скота нѣть; сбились кое-какъ, развели пашни, кто сколько могъ.

Но увы! Пословица справедлива: „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“ или „бѣда бѣду родить“. И урожай обѣщалъ быть хорошимъ, да откуда ни возмись саранча—истребила почти все до тла; что и было засѣяно, такъ даже семяна собрать не удалось. Вотъ эти-то несчастія совсѣмъ обоздолили киргизъ. Ни скота, ни хлѣба!... Въ привозѣ тоже ничего.

Слава Богу, просо выручило. На потравленыхъ саранчею пашняхъ просо засѣяли. Не даромъ существуетъ между кочевниками легенда: „много, много лѣтъ тому назадъ, собрались однажды старики, по обычаю народному, подумать думу великую, посовѣтоваться: какъ зиму проводить, какъ скотъ сохранить на случай безкорницы, какъ самимъ пропитаться...“

Сидѣть старики кружкомъ между юртами, бесѣду ведутъ, а мимо ихъ бабы спопы проса таскаютъ для обмолота. По дорогѣ, гдѣ спопы таскали, много колосьевъ осталось; никто изъ сидящихъ и вниманія не обратилъ на это: мало-ли колосьевъ теряется, когда спопы таскаютъ!.. Одинъ только изъ сидящихъ, и самый бѣдный, выбралъ изъ разбросанныхъ колосьевъ два самыя полныхъ и хорошихъ колоса и говорить: „эхъ, правовѣрные, что ни придумывай, что ни предполагай—на все воля Аллаха! Воля его не исповѣдима; если надо помочь бѣдняку, такъ онъ, по милосердію своему, вотъ изъ этихъ двухъ колосьевъ ему богатство воздвигнетъ“...

Улынулись окружающіе и никто ни слова. А старикъ опять говорить: „я истинный мусульманинъ, во всю жизнь не отступалъ отъ указаний корана; если захочетъ Аллахъ, черезъ три посѣва, вотъ отъ этихъ ничтож-

ныхъ колосьевъ онъ можетъ сдѣлать меня богачемъ!“ Тщательно обмиль онъ тутъ-же колосья, собралъ зерна и завернулъ въ бельбену (опояску).

Весной, когда пришло время посѣва, разрыхлилъ онъ у своей юрты землю и посыпалъ тѣ зерна проса.

Народъ смотрѣть съ сожалѣніемъ, покачиваетъ головой. „Плохо старику — изъ ума выживаешь!“

Во время роста берегъ правовѣрный свою микроскопическую пашню больше глаза и ухаживалъ за нею, на сколько было его силъ и умѣнія. Наступило время жатвы и собралъ онъ отъ двухъ колосковъ двѣ тюбетейки (ermolka) проса. Народъ видѣть и посмѣивается: „чудакъ-де человѣкъ, изъ чего хлѣбочеть!“ Опять прошла зима, наступило время новаго посѣва. Для двухъ тюбетеекъ проса потребовалось разрыхлить земли много больше, чѣмъ для двухъ колосьевъ. Все это сдѣлалъ правовѣрный.

Снялъ онъ съ этой пашни проса „ики кашъ“ (два капа). Смотрѣть народъ и ужъ не смѣется. Пожалуй старикъ-то вовсе съ ума не сходилъ.

На третій посѣвъ потребовалось для двухъ каповъ сѣяній обработать настоящую и большую пашню. Снова все было сдѣлано, че-го самъ не могъ—сосѣди помогли. Просо засѣяно. Уродилъ Богъ просо на диво всѣмъ! Хорошій такой колось, полны, верхушки съ зерномъ такъ къ землѣ и клонятся. Пришла пора снимать, и вотъ старикъ, три лѣта тому назадъ бѣднякъ, пробивавшій въ проголодѣ между сосѣдями, снялъ съ своего поля четыреста каповъ проса. И все это отъ двухъ ничтожныхъ колосковъ! А съ этими четырьмя стами мѣшковъ и бѣдности какъ не бывало!

Вотъ и припомнили перовскіе киргизы эту легенду. Засѣяли просо. Урожай удался хороши, и просомъ пробились они зиму; хотя и не особенно сытно, зато, слава Аллаху—не пухли отъ голода. Такимъ образомъ зима 1881 года прошла благополучно, хотя очень многіе подумывали о новомъ голодѣ. Хорошо, что киргизъ обошелся просомъ и при相识ъ что могъ для корма скота. А было-

ли что нибудь сдѣлано уѣздной администра-
цией къ отвращенію или хотя къ предупреж-
денію повторенія бѣдствія? Да ничего!.. Адимо самъ не можетъ ясно опредѣлить при-
вѣдь не мѣшало-бы подумать, какъ изба-
вать этотъ несчастный народъ отъ голод-
ныхъ отековъ!

Кто изъ близкихъ къ кочевнику адми-
нistrативныхъ лицъ знакомъ съ бытомъ его?
Кто изучилъ его нужды?

Большинство тѣхъ, кому это вѣдать над-
лежитъ, представляетъ себѣ киргиза дика-
ремъ, барантачемъ, крайне неуживчивымъ че-
ловѣкомъ, кляузникомъ, вѣчно недовольнымъ дѣленія на волости. Это дѣлѣніе народа имѣ-
етъ пр. Думаютъ, что управлять киргизами во-
обще не трудно; полагаютъ, что обязанности подчинить волость не главѣ рода, а выбор-
администраціи заключаются лишь въ томъ, кому изъ среды народа лицу. Конечно, не
чтобы карать за неповинование властямъ намъ говорить, что либо противъ этой систе-
мы!.. Такъ или иначе—дѣло сдѣлано. Учреж-
мѣръ положеніемъ. Что-же касается того, чтобы входить въ обсужденіе вопроса: можетъ-
ли иной киргизъ внести подать, совсѣмъ не волостью подчинено выборному отъ на-
даже не полагается. Есть у насъ волостные рода управителю. Однимъ словомъ—машина
управители, они обязаны собрать подать; а пущена въ ходъ.
какъ они это дѣлаютъ, кому какое дѣло, Но существующій проектъ положенія дол-
жны-бы безнедоимочно. А отъ этого на практикѣ и выходитъ: кто имѣеть сто головъ волость, по общественнымъ приговорамъ съ разнаго скота, платить также до 8 р. съ ки- обоихъ сторонъ, т. е. одни опускаютъ, други-
битетки, какъ и тотъ, у котораго одна лошадь гдѣ принимаютъ. Административныя лица,
и отеки отъ голодухи.

Весьма легкія обязанности! Главное, не выходи изъ рамки проекта положенія!..

Что мы сдѣлали для кочевника за 30 лѣтъ
нашего господства надъ степями? Позаботи-
лись-ли мы о его благосостояніи? Помогали-
ли ему къ улучшенню его быта? Вотъ откры-
тые вопросы... Намъ говорить: „ничего и
не сдѣлаешь; мусульманскія религіи, замк-
нутость, фанатизмъ не воспріимчивы ни къ
какому прогрессу“..

Да, съ сартами это еще можно допустить;
а съ киргизами, кто знаетъ ихъ, тотъ можетъ
быть убѣжденъ, что это пустыя фразы. Кир-
гизъ ко всему воспріимчивъ, но трусь и не-
довѣрчивъ.

Да вотъ вамъ: вы гдѣ нибудь въ аулѣ видите, что весь степной народъ ходить како-
го попурый, пришибленный. Удивляется:
чего не достаетъ этому народу? Податями
что не гнетутъ, другихъ цовинностей онъ не
достаетъ... Спросите: что это значитъ? Никто

вамъ определенно не объяснить, что вызва-
ло такую пришибленность. Да и народъ виденію повторенія бѣдствія? Да ничего!.. Адимо самъ не можетъ ясно опредѣлить при-
вѣдь не мѣшало-бы подумать, какъ изба-
вать этотъ несчастный народъ отъ голод-
ной отековъ!

Съ сожалѣніемъ вспоминаютъ киргизы о
родовыхъ правителяхъ, и говорятъ: „баре-
штать джайганъ“, т. е. „все штаты сѣли.“
Этими словами киргизы называютъ проектъ

положенія 1867 года, которымъ упразднено
родовое правленіе и введено выборное па-
чало, а съ тѣмъ вмѣстѣ положено начало
цѣлью разъединить киргизскіе роды и
подчинить волость не главѣ рода, а выбор-
ному изъ среды народа лицу. Конечно, не
чтобы карать за неповинование властямъ намъ говорить, что либо противъ этой систе-
мы!.. Такъ или иначе—дѣло сдѣлано. Учреж-
мѣръ положеніемъ. Что-же касается того, чтобы въ вѣзы, раздѣлены на волости; волости
образовались изъ разныхъ родовъ; управле-
ли иной киргизъ внести подать, совсѣмъ не волостью подчинено выборному отъ на-
даже не полагается. Есть у насъ волостные рода управителю. Однимъ словомъ—машина
управители, они обязаны собрать подать; а пущена въ ходъ.

Но существующій проектъ положенія дол-
жны-бы безнедоимочно. А отъ этого на практикѣ и выходитъ: кто имѣеть сто головъ волость, по общественнымъ приговорамъ съ разнаго скота, платить также до 8 р. съ ки- обоихъ сторонъ, т. е. одни опускаютъ, други-
битетки, какъ и тотъ, у котораго одна лошадь гдѣ принимаютъ. Административныя лица,
и отеки отъ голодухи.

Не видя причинъ къ удержанію киргизъ въ
извѣстныхъ волостяхъ, свободно перечисля-
ли ихъ куда тѣ просили. Пришло-ли кому
въ голову: какая причина заставляетъ кир-
гизъ перечисляться почти цѣлыми аулами?
Что-же мы видимъ теперь? Остались-ли раз-
дѣленными роды? Въ томъ-то и дѣло, что
нѣтъ!.. Всѣ эти перечисленія и вели только
къ тому, что киргизы постарались по возмож-
ности сплотиться снова по родамъ. Теперь вы-

борное начало... Чего мы достигли имъ? Сначала выборъ народа падалъ на старшихъ ро-
довичей, потомъ стали выбирать людей бо-
гатыхъ. Образовались партии, подкупы, ско-
ры и драки... И все это тяжестью своей
легло на того-же, ни въ чемъ неповинного
киргиза!.. Всікій богачъ, властолюбецъ, пе-
редъ выборами бросаетъ деньги на подкупы,
на кормленіе своей партии, не жалѣя за-
тратъ, стараясь лишь какъ можно больше
народа привлечь на свою сторону... Выбра-

ли наконецъ!... Надо-же ему и возмѣстить свои затраты. Вотъ онъ и начинаетъ тянуть и съ праваго, и съ виноватаго... Обыкновенно въ такихъ случаяхъ терпитъ противная сторона. Начинаются жалобы, распри народа со своимъ волостнымъ управителемъ. Одинъ попадается, его замѣняютъ новымъ; другой ловко обѣливаетъ дѣлишки и всѣ народные жалобы ни къ чему не ведутъ.

Вотъ и является убѣжденіе о киргизскихъ кляузахъ, о вѣчно недовольныхъ, видимо не-знающихъ, что имъ нужно. Вотъ тутъ и ладъ съ народомъ уѣздная администрація!

Теперь: пало ли родовое значеніе?

У вотъ посмотрите: вы членъ уѣздной администраціи, отправились въ степь по какому нибудь дѣлу. По приѣздѣ въ ауль, расположаетесь въ выставленной для вашего помѣщенія кибиткѣ. Васъ окружаетъ толпа всякаго народа. Есть тутъ и волостной управитель, и аульный староста, аульный бій, и другое,—все такъ называемый почетный народъ. Если вы не звѣремъ смотрите и человѣкъ разговорчивый, за вами всѣ лезутъ въ вашу юрту. Вы предлагаете сѣсть; садитесь. Видите вы, что волостной управитель садится отъ васъ на лѣво, уступая мѣсто выше себя, т. е. ближе къ вамъ, другимъ лицамъ, не принадлежащимъ даже къ волостной администраціи. Если вы человѣкъ новый, не знакомый съ народными обычаями, вы конечно не обратите никакого вниманія на такое размѣщеніе. А если вы замѣтите это и спросите: почему волостной управитель уступаетъ мѣсто другимъ, нерѣдко садясь самъ у входа, вамъ отвѣтятъ, что онъ младшій, въ смыслѣ родового старшинства. Случится какой нибудь совѣтъ общества, «маслигать» — родовичъ первый проводить мысль Вотъ вамъ и выборное правленіе! До сихъ поръ еще осталось въ обычаяхъ и твердо держится поченіе къ старшему въ родѣ. Въ случаѣ поминокъ по умершемъ, устраивается «асъ», что одинаково по значенію съ нашимъ поминальнымъ обѣдомъ. И если старший въ родѣ покойника не находится въ томъ-же ауле, гдѣ устраивается „асъ“, то родные считаютъ своею священнюю обязанностью послать ась и подарокъ старшему своему, въ его ауль.

Какая-же разница между родовымъ правителемъ и выборнымъ отъ народа? Намъ скажутъ, что родовой правитель безнаказанно грабилъ народъ, который, производя его отъ «акъ-сулкъ», т. е. бѣлой кости, по обычаю, не могъ даже судиться съ нимъ; онъ пользовался своимъ широкимъ правомъ управлять родомъ самостоятельно; что дѣлалось въ степи,—уѣздная администрація не знала, чѣмъ умалялось значеніе русской власти, и т. д... Правда, родовой правитель грабилъ, а выбранный народомъ управитель развѣ не грабить? По обычаю киргизъ, всякий бѣднякъ, не имеющій чѣмъ питаться, переходитъ на коремежку къ правителью и тотъ не въправѣ отказать ему въ этомъ. И такимъ образомъ за ставкою правителя обыкновенно таскался хвостъ, юртъ въ двѣсти; каждый стяжалъ себѣ джигитомъ правителя или пастухомъ его стадъ и кормился, со всею семьею, па средства правителья. То-ли же самое и при выборномъ управителѣ? Конечно нѣть! Первый грабилъ богатыхъ и кормилъ бѣдныхъ, а этотъ грабить и богатыхъ, и бѣдныхъ и есть только самъ одинъ. Который-же лучше? Правда, что я употребилъ здѣсь слово „грабить“ очень сильно. Его можно замѣнить другимъ, болѣе подходящимъ, именно: „урвать“; но какъ урывали правительи, такъ урываютъ и управители.

Волостной управитель тоже управляеть волостью болѣе или менѣе самостоятельно; это вполнѣ зависитъ отъ его ловкости и ума. Какъ при правительяхъ, мы не знали, что дѣлается въ степи, то-же самое и при управителяхъ. Мы очень далеко стоимъ отъ народа, чтобы знать его и степь.

Теперь возвратимся къ прежнему. Намъ скажутъ, пожалуй, что мы неправы, упустивъ изъ вида, что для поддержанія народнаго благосостоянія, ему даны возможныя средства, а именно: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ дешевый кредитъ, а въ одномъ, такъ кромѣ того, еще съ 1871 года учреждены въ нѣкоторыхъ волостяхъ запасные хлѣбные магазины, и т. д.

Знаемъ; дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ учреждены ссудныя кассы. Посмотримъ, достигаютъ-ли они, эти кассы, намѣченныхъ имъ цѣлей? Конечно, скажутъ, что достигаютъ: деньги всегда въ расходѣ.

Да правда-ли, что кассы служатъ дѣйствительно къ вспомоществованію бѣдникамъ? Во многихъ случаяхъ извѣстно совершенно противное. Извѣстно напримѣръ, что деньги изъ кассъ получаютъ волостные управители, бѣи и богатые люди, а бѣдняку иногда бываетъ совсѣмъ невозможно добиться ссуды. Правда, правилами оговорено, напр., что ссуда выдается только на годъ и суммою до 50 р.; вы дѣйствительно видите, что деньги по 50 р. выданы такимъ-то и такимъ-то. Между тѣмъ дѣлается это такъ: являются близкіе и родные волостного управителя, бѣевъ и богатыхъ людей, заранѣе подготовленные своими патронами, получаютъ ссуды на свое имя и такимъ образомъ волостные управители и другія лица негласно пользуются ссудами по 500, 600 р. и болѣе, а главное, что все это люди вовсе не нуждающіеся. А бѣднякъ, за неимѣніемъ въ кассѣ денегъ, никакъ не добьется ссуды.

Теперь взносы. Лица, получившія ссуды, по наступлениіи сроковъ или вносятъ одни лишь проценты, оставляя у себя капиталъ, или же вносятъ и самій капиталъ, но тутъ же обращаются съ просьбою о ссудѣ: имъ выдаются ссуды вновь.

Капиталами кассы обыкновенно завѣдываютъ или помощники уѣздныхъ начальниковъ, или же письмоводители, получая за веденіе отчетности $\frac{1}{8}$ процентной прибыли.

Это вознагражденіе въ Перовскомъ уѣздѣ напр. достигаетъ до 1200 р., слѣдовательно, какая же надобность завѣдывающему такою кассою поднимать вопросы и слѣдить за правильностью выдачи ссудъ по отношенію къ бѣдникамъ или слѣдить за правилами, достигающими онѣ той высокой цѣли, которая имѣлась въ виду? Ему главнымъ образомъ нужно, чтобы капиталъ не лежалъ, чтобы проценты наростили, а будетъ-ли эти проценты платить богачъ или бѣднякъ, получить-ли ссуду тотъ или другой—ему какое дѣло! Ему нужно получить $\frac{1}{8}$ процентной прибыли и больше ничего.

А чѣмъ болѣе деньги въ оборотѣ, тѣмъ больше и эта третья.

Въ Казалинскомъ уѣздѣ, тамъ всѣ эти распорядители еще лучше сдѣлали: раздали деньги кому и какъ попало, книги сложили

и успокоились. Назначена была цѣлая комиссія для приведенія отчетности въ порядокъ. Сдѣлала кое-что, составила списки должникамъ, да что-то плохо идутъ платежи. Хорошо еще, что народъ созналъ полезность такого учрежденія и по общественнымъ приговорамъ собралъ деньги на возстановленіе ссудной кассы, съ тѣмъ, чтобы все таки съ должниковъ, по возможности, собрать деньги впослѣдствіи, и внести ихъ по назначенію; а пока-де не ждать-же этихъ грошей... Надо полагать, что тутъ не обошлось безъ совѣтовъ со стороны администраціи...

Во всякомъ случаѣ, дѣло это безспорно полезное; пу, и дай Богъ ему успѣха!

А во избѣженіе на будущее время неправильныхъ выдачъ, ведущихъ обыкновенно только къ увеличенію процентной прибыли, не лучше-ли было-бы, если во всѣхъ уѣздахъ, где существуютъ кассы, ввести выдачу вознагражденія за веденіе отчетности одной определенной цифрой для всѣхъ?

Вѣдь и по здравому-то разсужденію дѣйствительно выходитъ несообразность. Такъ, въ Перовскомъ уѣздѣ вознагражденіе изъ процентной прибыли возрасло въ настоящее времена до 1200 р., въ Казалинскомъ до 400 р., а въ Кураминскомъ кажется немного болѣе 200 р.; отчетность-же вездѣ одинакова, разница лишь въ количествѣ единицъ, получающихъ ссуду.

Затѣмъ самыя правила о выдачѣ ссудъ: известно, что въ 1884 г. были выработаны новые правила, которыя, для единообразія, предполагалось ввести во всѣхъ уѣздахъ, где существуютъ кассы. Правила эти передѣланы изъ существовавшихъ, сообразно съ замѣченными на практикѣ недостатками; но и они едва-ли окажутся достаточно обработанными.

А чтобы завѣдывающихъ кассами проходить къ достижению лишь правильности выдачъ, наблюденію за недостатками правиль и къ улучшенію ихъ, я думаю необходимо отнять у нихъ стремленіе къ увеличенію только одной процентной прибыли.

Уѣздѣ у насъ не одинъ. Въ одномъ ничего не сдѣлаютъ, въ другомъ попробуютъ, а не въ другомъ, такъ въ слѣдующемъ. Если даже сдѣлаютъ это не изъ желанія добра и не по убѣжденію, такъ по крайней мѣрѣ изъ же-

ланія заслуги, доброго слова начальства; и за это спасибо; такъ или иначе, лишь-бы достичнуть цѣли.

Теперь запасные хлѣбные магазины.

Такіе магазины, сколько известно, существуютъ лишь въ одномъ Казалинскомъ уѣздѣ. Образовались они съ 1871 года. О дѣятельности ихъ мало что можно сказать утѣшительного.

Инициатива администраціи въ основаніи сама по себѣ прекрасна и благодѣтельна. Но администрація озабочилась только лишь оспованіемъ этихъ магазиновъ; она не научила киргизъ, незнакомыхъ съ такими дѣлами вообще, какъ относиться къ такому запасному хлѣбному магазину.

Киргизъ понялъ одно: что можно хлѣбъ брать въ долгъ и въ тотъ-же годъ или на другой хлѣбъ былъ разобранъ. Кѣмъ-же? Да все людьми состоятельныйми по большей части, преимущественно почетными людьми, боями и другими чицовыми лицами; а бѣднякъ, для котораго магазины въ сущности и были учреждены, опять остался не причемъ.

Завѣдывавши магазинами назначенные уѣзднымъ начальникомъ, нѣкоторые по лоскуткамъ бумажки, а нѣкоторые просто на память, изъ года въ годъ считали въ долгу выданный хлѣбъ, присчитывая лишь ежегодный приростъ въ видѣ процентовъ, не помышляя даже никогда о сборѣ этого хлѣба. За тринадцать лѣтъ существованія магазиновъ время отъ времени назначались даже комиссіи для провѣрки. Комисія въ лицѣ единственнаго бывшаго младшаго помощника, за все время три раза провѣряла хлѣбъ.

Въ уѣздное управлениѣ даже представлялися вѣдомости наличнаго хлѣба. Однимъ словомъ, дѣло процвѣтало, а вѣдомости подшивались къ дѣлу „о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ“ не переведенными съ туземнаго языка. Мнѣ самому случалось кое-кого спрашивать: принесли эти магазины какуюнибудь пользу въ памятный киргизу „куянъ джиль“, т. е. въ 1879—1880 года; говорятъ, „какъ-же, едва-ли даже благодаря только этимъ магазинамъ и голодовку-то удалось парализовать“.

Такъ до осени 1884 года и были всѣ уверены, что по запаснымъ хлѣбнымъ магазинамъ идетъ живое дѣло.

Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ вовсе не то было. При ревизіи Военнымъ губернаторомъ Казалинского уѣзда зашелъ вопросъ между прочимъ и о магазинахъ. Н. И. Гродековъ усумнился въ существованіи ихъ и рѣшилъ послать своихъ чиновниковъ для провѣрки. Пришло и самой уѣздной администраціи подумать: „а и въ самомъ дѣлѣ: существуютъ ли эти магазины?“ Начались экстремальная справки: гдѣ, что и въ какомъ положеніи... ну, и пришло убѣдиться въ горькой истинѣ, что хлѣбныхъ магазиновъ въ дѣйствительности вовсе нѣть.

Теперь, надо полагать, магазины будуть существовать. Приниты энергическая мѣры къ пополненію хлѣба. Дай Богъ. Дѣло безспорное хорошее, да надо позаботиться научить киргиза, какъ относиться къ общественному достоянію и какъ извлекать изъ этого пользу не въ ущербъ собратьямъ.

Это составляетъ одну изъ теперешнихъ задачъ уѣздной администраціи.

Е. Александровъ.

И зъ Кветты.

(извлечено изъ газ. Pioneer.)

Расположенные въ Кветтѣ гарнизоны начоцѣ смѣнились и мы начинаемъ знакомиться другъ съ другомъ. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я сообщилъ, что сюда прибылъ 17-й сѣверо-индійскій полкъ, а 2-й сѣверо-индійскій полкъ, къ величайшей радости его, отиравился на новую стоянку, въ Ахметабадѣ. Первый эшелонъ сѣвернаго-ланкаширскаго полка, который вмѣстѣ съ 7-мъ сѣверо индійскимъ выжидалъ въ Сиби хорошую погоду, чтобы выступить, также прибылъ. Онъ выступилъ въ среду, на первой недѣлѣ великаго поста и соединился съ главнымъ корпусомъ сѣвернаго - ланкаширскаго и 17-мъ и 26 сѣверными индійскими полками. При передвиженіяхъ по Болану, всѣ отряды избѣгали Дарваза. Вместо того, чтобы двинуться, какъ обыкновено, изъ Дозана на Дарвазъ, а изъ Дарваза въ Сиръ-и-абъ, они пошли изъ Дозана, прямо къ Сиръ-и-абу, находящемуся въ разстояніи 25 миль.

Жанкентъ

(Жангитъ-кентъ).

Въ то время, когда я собиралъ свѣдѣнія о древнихъ памятникахъ, сохранившихся донынѣ въ степи Казалинского уѣзда, въ особенности по Куванъ-дарьѣ, древнему рукаву, которымъ Сыръ впадалъ въ Аральское море, киргизы указывали мнѣ на развалины Жанкента, (*) какъ на мѣсто, болѣе другихъ сохранившее памятную легенду.

Посѣтивъ степь недалеко отъ Жанкента, я воспользовался случаемъ посѣтить и этотъ древній, разрушенный городъ и на мѣстѣ собрать все сказанія о немъ, которые ходятъ въ народѣ.

„Жанкентъ“ или правильнѣе: „Жангитъ-кентъ“ лежитъ на лѣвомъ берегу Сыра, въ 16—18 верстахъ ниже Казалинска. Развалины когда-то высокой стѣны, расположенной продолговатымъ четыреугольникомъ, указываютъ на слѣды бывшей крѣпости. Стѣна насыпна, значительной ширины; снаружи сохранившійся глубокій ровъ окружаетъ стѣну. Внутренняя площадь крѣпости представляется волнистою, значительно возвышаючись надъ уровнемъ окружающей мѣстности.

Хотя киргизы и увѣряютъ, что въ крѣпости не было построекъ, но надо полагать, что высокая площадь внутри крѣпости именно и образовалась вслѣдствіе развалинъ находившихся въ ней строеній; временемъ и дождями, обмывавшими крѣпостной валъ, внутренняя площадь выполнялась наноснымъ иломъ, складывшимъ возвышенія, которыя-бы указывали на разрушившіяся зданія.

Вправо отъ крѣпости, по направленію къ берегу Сыра, идутъ развалины весьма обширнаго, древняго города, который киргизы называютъ: „Минь-тюбе“ и „Минь-кала“. Это название, означающее: „тысяча-холмовъ“ и „тысяча-домовъ“, несомнѣнно подтверждаетъ его обширные размѣры.

(*) Называютъ также иные Янги-кентъ, т. е. новый городъ.
Ред.

Дѣйствительно, обширная равнина, усыпанная холмами, представляетъ ни что другое, какъ слѣды разрушенного города, покрытаго слоемъ земли. Взявъ рабочихъ изъ сѣднихъ ауловъ, кочующихъ тутъ киргизъ, я выбралъ на-удачу мѣсто для раскопокъ вблизи одного изъ болѣе возвышенныхъ холмовъ. Первый слой сброшенной земли обнаружилъ жженый кирпичъ двухъ видовъ: одинъ совершенно квадратный, другой четырехъ угольный, продолговатый, какъ и нынѣ существующій. Кирпичи имѣли видъ сѣроватый. На глубинѣ трехъ четвертей показался плоскій изразцовыій камень, величиною въ полторы четверти въ каждой сторонѣ. Рисунокъ изразца представлялъ собою фигуру переплета. Изразецъ лежалъ не на кирпичѣ, а на плоской, глиняной глыбѣ, видимо составляя когда-то орнаментъ стѣны или другой части какого либо зданія. Откоанная изразцовая глыба при выемкѣ разсыпалась на мелкія куски, какъ раздавленная вѣроятно раньше при первоначальномъ разрушеніи города. Изразецъ былъ свѣтло зеленаго цвѣта. Тутъ-же, между обломками кирпичей, было найдено еще пѣсколько кусковъ изразца, не представляющихъ собою цѣлаго рисунка, покрытыхъ такою же изразцовою массою, темно-голубаго цвѣта; этотъ изразецъ по виду былъ много лучше первого и изломъ его представлялъ совершенно изломъ тонкаго стекла, просвѣчивающаго на солнѣцѣ.

Множество разрытыхъ холмовъ съ разбросанными повсюду осколками жженаго кирпича, достаточно свидѣтельствуютъ о даровой добычѣ. Сосѣдніе киргизы и жители г. Казалинска занимаются здѣсь добываніемъ жженаго кирпича, который съ успѣхомъ идетъ на устройство въ домахъ половъ и на фундаменты.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, мнѣ не удалось узнать: добывались-ли при раскопкахъ какіе либо металлические предметы или глиняные сосуды? Всѣ указывали лишь на куски изразца, вырытаго въ большомъ количествѣ, но не представляющаго отдельныхъ предметовъ.

За неимѣніемъ времени, мнѣ не удалось повторить раскопку.

Мѣстные жители-киргизы между прочимъ

передали мнѣ, что на берегу Сыра есть большое, разрушившееся зданіе, у которого нѣкоторыя части до сихъ поръ еще сохранили куполообразныя постройки; около этого зданія были находимы ямы, выложенные жженымъ кирпичемъ, съ остатками человѣческихъ костей. Ямы эти ясно указываютъ на слѣды тюремъ среднеазіатскаго характера; подобныя тюремы и до сего времени существуютъ въ нѣкоторыхъ ханствахъ.

Никто изъ старожиловъ-киргизъ не могъ опредѣлить хотя приблизительно время существованія Жанкента; преданіе не опредѣляетъ этого времени. Во всякомъ случаѣ существованіе Жанкента киргизы относятъ къ мусульманской эпохѣ. Преданіе гласитъ, что очень много лѣтъ тому назадъ, землею по лѣвую сторону Сыра владѣлъ Жангитъ-ханъ. Владѣнія Жангитъ-хана простирались отъ Сыра до Куванъ-дары и проходили берегомъ Аральскаго моря, а гдѣ кончались владѣнія его, теперь никому неизвѣстно.

Жангитъ-хану было около 32 лѣтъ въ то время, къ которому относится преданіе. Онъ былъ красавецъ собою, высокъ ростомъ и никто въ его владѣніяхъ не могъ поспорить съ нимъ силою. Жангитъ имѣлъ единственную жену красавицу Айсулу, дочь кокандскаго старца, слышаго въ народѣ за святого.

Больше всего на свѣтѣ Жангитъ любилъ свою хорошенькую Айсулу.

Ничто не омрачало жизни счастливыхъ супруговъ; какъ прозрачнала, ключевая вода, обрадовавшись, журчить по бѣлому песку, выбившись изъ мрака, такъ и жизнь Жангитъ-хана съ Айсулой была переполнена веселіемъ и радостью.

Въ одинъ изъ ясныхъ, лѣтнихъ дней Жангитъ собрался на охоту. Богато убранный туркменскій жеребецъ, звеня золотыми и серебряными украшеніями, уже вырывался изъ рукъ рабовъ, наскучивъ стоять на обширномъ ханскомъ дворѣ въ ожиданіи съдока. А Жангитъ все еще не можетъ оторваться отъ красавицы Айсулы.

Наконецъ толпа слугъ высыпала изъ внутреннихъ покоевъ; рабы разстилали ковры и алачи отъ дверей комнатъ по двору, до туркменскаго аргамака.

Красивое животное, какъ бы попимая торжественность минуты, стало какъ вкопанное на большомъ хивинскомъ коврѣ.

Появились сердари и совѣтники ханскіе, въ дорогихъ халатахъ съ золотыми и серебряными поясами, съ пристегнутыми къ нимъ изогнутыми, тяжелыми саблями.

Окруженный родственниками, близкими аксакалами и молодыми людьми, вышелъ наконецъ и самъ Жангитъ. Лицо его, еще подъ впечатлѣніемъ ласкъ своей хорошенѣйкой жены, дышало радостнымъ удовольствіемъ.

Въ это время ставня окна внутреннихъ комнатъ, обращенныхъ окнами на дворъ, отворилась и въ пустое отверстіе окна показалась красивая головка Айсулу. Она, довольная и улыбающаяся, слѣдила взглядами за пышнымъ шествіемъ своего мужа. Вотъ онъ коснулся рукою сѣдельной луки и мигомъ, какъ соколъ, взлетѣлъ на лошадь.

Вся толпа, сопровождавшая его, бросилась къ своимъ лошадямъ, выводимыхъ изъ конюшень.

Взявъ поводья, Жангитъ бросилъ мимолетный взглядъ на отворенное окно. Лучь самодовольства блеснулъ въ его глазахъ. Долго сдерживаемый конь взвился на дыбы и круто повернутый, легкимъ галопомъ проскакалъ по двору, къ наружнымъ воротамъ Свита безпорядочной толпою ринулась за повелителемъ, желая скорѣе присоединиться къ нему, немилосердно толкая и давя другъ друга въ воротахъ. Не мало потѣшила эта толпа наблюдавшую Айсулу.

Отдавъ приказаніе рабамъ убрать ковры и алачи съ земли, до возвращенія Жангита, Айсулу захлопнула оконную дверцу и скрылась въ покояхъ.

Тамъ, въ одной изъ комнатъ обширного дворца, устланной хивинскими и бухарскими коврами, она опустилась на мягкия подушки. Рабыни-прислужницы сняли съ головы ея джапинукъ и начали расплетать косы.

Расчесываніе волосъ и умасчиваніе ихъ было любимымъ занятіемъ Айсулу. Волоса ея, черные какъ вороново крыло, были не послѣднимъ украшеніемъ ея красивой головки. Длинныя до пять и мягкия, онъ очень нравились Жангиту. Нерѣдко онъ самъ проиживалъ цѣлые дни, разглаживая ихъ и обивая свои пальцы волосами Айсулу.

Вдругъ слышитъ Айсулу топотъ быстро скакущей лошади. Лучъ радости озарилъ ея лицо и она сама мгновенно привела свои волоса въ порядокъ. Быстрымъ движениемъ распахнувъ ставню наружнаго окна, она вперила лучистый взоръ на ворота, ожидая вотъ-вотъ онъ распахнется и въ нихъ появится дорогое ей существо. Первый взгляцъ Жангитъ-хана упадетъ не на нее, Айсулу. Ей уже представляется ласковая улыбка мужа; на лице ея, испыхнувшемъ румянцемъ, выражено нетерпѣливоѣ ожиданіе... Она даже дыханіе притаила...

Ворота распахнулись. На взмыленномъ конѣ вскочилъ на дворъ арабъ-невольникъ... Мигомъ лицо Айсулу покрылось смертою блѣдностью; испуганная, думая не случилось ли какого несчастія съ ея мужемъ, она наклонилась, протягивая руки за окно, къ арабу-невольнику, не въ силахъ будучи выговорить ужаснаго вопроса ...

Черный рабъ, оставивъ лошадь и приблизившись къ окну, опустился на колѣна и схватилъ Айсулу за руки. Черные глаза его метали искры...

Айсулу, какъ громомъ пораженная, не отнимала рукъ отъ раба, ожидая услышать изъ устъ его вѣсть о великому несчастіи; голова ея кружилась... Черный рабъ, какъ и госпожа его, тоже не могъ произнести ни слова.

Наконецъ Айсулу опомнилась и оставляя свои руки въ рукахъ раба, обратилась къ нему съ вопросомъ: „о вѣрный рабъ моего господина! Ты поторопился изгѣстить меня о поразившемъ меня несчастіи? Скажи, что случилось съ господиномъ моимъ?...

— „Госпожа!“ отвѣчалъ рабъ, „твой Жангитъ также здоровъ и весель, какимъ ты его видѣла отъѣзающимъ и никакое несчастіе не поразить его, пока подлъ цего будеть твой черный слуга. Я отдамъ свою жизнь за жизнь дорогого тебѣ мужа; онъ тебя любить больше всего на свѣтѣ и не предполагаетъ, что есть другой человѣкъ, который тоже любить тебя; онъ отдастъ за тебя и свою жизнь, и жизнь своего повелителя...“

Айсулу съ испугомъ вырвала свои руки изъ сжимавшихъ ихъ рукъ раба. „Что ты хочешь сказать, спросила она; о комъ другомъ говоришь ты?“

— „Айсулу“, отвѣчалъ рабъ; „я привыкъ къ неволѣ; я, какъ вѣрная собака, былъ всегда около Жангита; моей радостью была его радость; появилась ты — я погибъ; я полюбилъ тебя и хочу овладѣть тобою; ты не полюбишь меня, я рабъ, но отлайся мнѣ и я сохраню тебѣ Жангита... Рѣшайся, я тороплюсь; сегодня самъ Аллахъ отуманилъ голову его отъ твоихъ ласкъ; онъ выѣхалъ на охоту, забывъ свою шашку, съ которой никогда не разстается. Меня онъ послалъ за нею... Аллахъ великъ! Онъ далъ мнѣ случай видѣть тебя одну.. Прогонишь ты меня — великое горе виситъ надъ тобой!“

Не успѣлъ договорить своей рѣчи рабъ, какъ сильный ударъ рукою Айсулы поразилъ его черное лицо. Айсулу, какъ ужаленная, отскочила внутрь комнаты и крикнула прислужницъ.

Потомъ она сняла шашку Жангита со стѣны и подавая ее черезъ окно рабу, сказала: „скачи скорѣе презрѣнныи рабъ къ твоему повелителю, преклони предъ нимъ голову и пусть эта шашка прекратитъ твою жизнь; иначе ты, какъ скверная собака, издохнешь въ ямѣ“...

Жангитъ, пославъ араба - невольника за шашкою, расположился со своею свитою на берегу Сыра, на разостланыхъ коврахъ. Веселье и шутки повелителя заразительно дѣйствовали на молодежь. Шуткамъ и шумному разговору казалось не будетъ и конца. Составились скачки и самъ Жангитъ принималъ дѣятельное участіе въ нихъ. Каждый старался щегольнуть своимъ скакуномъ...

Такъ прошелъ часъ, другой и больше.. Вдругъ, среди общаго веселья, лицо хана омрачилось; высокій, бѣлый лобъ его прорѣзала глубокая складка.

Забавы молодежи мигомъ прекратились; веселья какъ не бывало и вся свита, испуганно переглядываясь, окружила хана... Всѣ недоумѣвали: что огорчило ихъ повелителя? Не понравилось ли ему брошенное кѣмънибудь на вѣтеръ, неосторожное слово? Каждый спрашивалъ себя: не онъ-ли виновный и ждалъ что вотъ-вотъ на него обрушится гибель его повелителя. А Жангитъ все молчитъ, только складка на высокомъ лбу его дѣлается все

глубже и глубже... Воть онъ устремилъ свой огненный взоръ на дорогу и замеръ въ ожиданіи. Вся свита невольно послѣдовала за его взглядомъ. Теперь всѣмъ стало ясно, что Жангитъ беспокоится отъ долгаго отсутствія своего раба, посланного за шашкою.

У каждого невольно промелькнулъ вопросъ: „что-то ожидаетъ несчастнаго раба“. Всѣмъ извѣстенъ былъ веселый правъ повелителя и въ тоже время никто не забывалъ его вспыльчивости и необузданной жестокости. Не мало головъ вѣрныхъ слугъ его слетѣло съ плечь подъ ударами его кривой, тяжелой шашки.

Наконецъ зоркіе глаза повелителя замѣтили на горизонтѣ желтоватое облачко. Облачко это становилось все ближе и ближе... Желтоватая пыль въ тихомъ, ясномъ воздухѣ спиралью вьется къ голубоватому, прозрачному небу... Кто-то быстро несется по дорогѣ; вотъ обрисовался вдали и самъ всадникъ. Лучи солнца играютъ, отражаясь на металлическомъ предметѣ въ рукахъ его... Чѣмъ ближе всадникъ, тѣмъ нетерпѣливѣе становится Жангитъ; боковая складка все глубже прорѣзываетъ его лобъ. Скачущій всадникъ былъ черный рабъ, посланный въ урду, за шашкой.

Осадивъ лошадь, онъ мигомъ соскочилъ съ нея и падая предъ повелителемъ на колѣна, подносилъ ему шашку.

Какъ молния, сверкнули глаза Жангита и онъ гневно закричалъ: „гдѣ ты прощадаль черная собака; что задержало тебя въ урдѣ?“ — „Повелитель, трясясь всѣмъ тѣломъ отвѣчалъ рабъ; „гневъ твой справедливъ; я виноватъ, что заставилъ тебя долго ждать, но разрѣши вѣрному рабу сказать слово оправданія... Ты, могущественный ханъ, мой повелитель; но у меня также есть и госпожа—твоя любимая Айсулу...“

— „Говори скорѣй, что съ ней?“ прервалъ его Жангитъ.

— „Повелитель“, снова заговорилъ рабъ, „Рахметулла, по повелѣнію Бога, управляетъ добрыми дѣлами правовѣрнаго; албасты(дьяволъ), врагъ его, соблазняетъ человека на дурныя дѣла... Твоя Айсулу хотѣла измѣнить тебѣ...“

— „Ты лжешь собака!“ закричалъ Жангитъ и шашка его взвилась надъ головой раба...

— „Повелитель“, воскликнулъ рабъ, „ты воленъ убить меня не выслушавши; вотъ тебѣ моя голова“ и онъ протянулъ шею подъ шашку Жангита.

Невольно рука Жангита, съ поднятымъ для улара изогнутымъ клинкомъ шашки, тихо опустилась, и онъ блѣдный, предчувствуя что-то недоброе, измѣнившимся голосомъ сказалъ: „говори“.

— „Повелитель“, заговорилъ рабъ, „я по твоему приказу поскакалъ въ урду за шашкой. Въѣзжая во дворъ, я увидѣлъ въ окнѣ Айсулу. По знаку ея, я вошелъ въ покой. Тамъ она указала мнѣ мѣсто подлѣ себя на подушкахъ. Я рабъ и повиновался госпожѣ. Она обвила мою шею своими руками... голова моя закружилась и я забылъ, что живу на землѣ... Богъ великъ, онъ смотрѣтъ на людей съ высоты своей. Въ это время мой конь, стоявшій на дворѣ, заржалъ... Я пришелъ въ себя; высвободившись изъ объятій Айсулы, схватилъ я твою шашку, висѣвшую на стѣнѣ и какъ сумашедшій, выскочилъ изъ покоя...“

— „Лошадь“, крикнулъ Жангитъ. Какъ вихрь, помчался онъ къ городу. Свита его, пораженная ужасомъ, едва успѣвала за нимъ. Прискакавши въ урду, Жангитъ, какъ степной ураганъ, влетѣлъ во внутреннія покой. Въ первой-же комнатѣ встрѣтила его Айсулу, протягивая руки для объятій...

— „Прочь, собака“, воскликнулъ Жангитъ... Клинокъ взвился и руки Айсулу до локтей вмигъ отлетѣли прочь... „Жангитъ!“ простонала Айсулу и повалилась на полъ, истекая кровью.

Громадная толпа министровъ, совѣтниковъ и близкихъ родственниковъ хана, въ пестрыхъ, богатыхъ халатахъ, окруженнаго многочисленною прислугою разныхъ цвѣтовъ кожи и возраста, не зная еще о совершившемся, безмолвно стояла на обширномъ, ханскомъ дворѣ...

Въ дверяхъ, съ обнаженною шашкою, показался и самъ Жангитъ-ханъ; ужасный видъ его лица и медленно стекавшія съ клинка капли свѣжей крови, объяснили присутствующимъ о варварской расправѣ...

Вдругъ, среди всеобщаго, мертваго безмолвія, раздался сильный, потрясшій все зданіе, стукъ въ наружныя, запертыя ворота. Толпа содрогнулась; содрогнулся и самъ Жангитъ-ханъ... „Схватить дерзкаго!“ крикнулъ онъ и сжимая клинокъ въ рукахъ, направился къ воротамъ. Перепуганная челядь бросилась къ воротамъ, распахнула ихъ и па почтительно отступила внутрь двора... Медленнымъ шагомъ, на прекрасномъ, бѣломъ всѣ какъ-то сразу почувствовали, что онъ какъ снѣгъ, аргамакъ, вѣхалъ на дворъ теперь здѣсь господинъ и никто уже не обстарикъ, окруженный вѣсколькими слугами. Длинная, сѣдая борода его волнами колыхалась на груди... Увидѣвъ его, Жангитъ, какъ вкопанный, остановился на мѣстѣ. Старикъ, удивленный, что никто не подбѣжалъ къ нему, чтобы придержать лошадь, остановилъ ее и медленно слѣзъ съ сѣдла. Также медленно онъ подошелъ къ Жангиту, инстинктивно угадывая, что тутъ произошло что-то ужасное. „Дитя мое, что случилось здѣсь?“ спросилъ онъ Жангита. Жангитъ медлилъ отвѣтомъ, но вдругъ глаза снова сверкнули гнѣвомъ и онъ крикнулъ:

— „Старикъ! Плохое ты выбралъ время постыть свою dochь!“ При этихъ словахъ и при видѣ раздраженія Жангита, старикъ поблѣднѣлъ. Губы его затряслись, онъ протянулъ руки къ Жангиту и дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ: «гдѣ Айсулу?... Аллахъ! Она умерла?..“

Жангитъ не отвѣтилъ ни слова, только рукою указалъ по направленію дворца. Старикъ, все еще подъ гнетомъ чего-то ужаснаго, неопредѣленаго ему, спотыкаясь на каждомъ шагу своими дряхлыми ногами, побѣжалъ въ покой. Жангитъ, а за нимъ и вся толпа, невольно послѣдовали туда-же.

Прибѣжавъ во дворецъ, въ первой-же комнатѣ старикъ ступилъ ногами прямо въ лужу крови, разлившейся по полу. Распростертая, безъ чувствъ, лежала въ этой лужѣ Айсулу... Онъ понялъ все!. Мигомъ сорвалъ съ головы кисейную чалму и разорвавъ ее, опустился на колѣни, къ тѣлу Айсулы и опытной рукой началъ быстро перевязывать ей перерубленныя руки. Жангитъ и толпа вошли въ комнату и остановились въ нѣмомъ ужасѣ.

Жангитъ уже безъ злобы, но въ какомъ-то тупомъ онѣмѣніи слѣдилъ глазами за движеніями старика; а онъ, перевязавъ руки Айсулу, поднялъ ея безжизненное тѣло и не ренесъ на лежавшія по стѣнамъ подушки. Опустившись подлѣ нея и не глядя на окружающихъ, онъ глухо проговорилъ: „воды“. Только при звуки этого глухаго голоса толгие бросились исполнять приказаніе старика; они же сразу почувствовали, что онъ какъ-то здѣсь господинъ и никто уже не обращалъ вниманія на стоявшаго тутъ-же, съ опущенными въ землю глазами, Жангитъ-хана. Вода была принесена. Старикъ обмылъ ею лицо и голову дочери; ножемъ, висѣвшимъ на его поясе, разжалъ онъ ей зубы и влилъ изъ ротъ иѣсколько капель. Айсулу содрогнулась всѣмъ тѣломъ и медленно приподняла опущенные вѣки. Ничего не понимая, обводила она потухающимъ взоромъ вокругъ себя и остановившись на дорогомъ ей образѣ отца, радостно улыбнулась. Вѣки ея снова закрылись и тихое дыханіе свидѣтельствовало, что она не лишилась чувствъ, а изнемогала лишь отъ потери крови.

Старикъ поднялся на ноги и медленнымъ, унылымъ взоромъ обвелъ толпу. Глаза его остановились на Жангитѣ; ханъ подъ влияниемъ его взгляда, также приподнялъ голову и глаза ихъ встрѣтились. Долго молча смотрѣли они другъ на друга. Жангитъ не выдержалъ неподвижнаго взора старика и въ смущеніи опустилъ глаза въ землю.

— „Баламъ! (дитя) скажи мнѣ, какую тяжкую вину совершила Айсулу?“ спросилъ мягкимъ голосомъ старикъ.

Жангитъ съ волненіемъ рассказалъ о невѣрности Айсулу.

— „Жангитъ!“ воскликнулъ стариkъ и го- лись въ ту сторону и вдругъ изъ всѣхъ усть лось его становился строгимъ; „виновата- вырвалось громкое, испуганное: „Аллахъ“. ли Айсулу? Не такъ-ли же черна душа тво- Айсулу лежала на подушкахъ съ открытыми его раба, какъ и его тѣло? Скажи мнѣ глазами, обращенными съ любовью на отца, правду: она созналась тебѣ?“.

— «Нѣть, я былъ очень взбѣшенъ, когда входилъ въ дворецъ и первая меня встрѣтила Айсу- лу; я не успѣлъ ее спросить; рука моя неволь- но поднялась и я не сознавалъ, что дѣлалъ.

— «Ханъ Жангитъ! воскликнулъ стариkъ, тебѣ Аллахъ даровалъ власть; ты, какъ справед- ливый ханъ и добрый мусульманинъ, долженъ былъ совершить судъ по закону. А ты повѣ- рилъ рабу; злоба тебя ослѣпила. Скажи мнѣ, вѣришь-ли ты въ виновность Айсулу?».

— „Отецъ!“ дрожащимъ голосомъ заговорилъ Жангитъ, не глядя на старика; „албаста силенъ..“

— «Не забывай, что сильнѣе албасты есть Аллахъ», прервалъ его стариkъ. „Сердце мое разорвалось на части. Айсулу, ты знаешь, моя единственная дочь; если она виновна, пусть Аллахъ накажетъ ее страшнымъ муче- ниемъ!... А если она не виновна?“ и стариkъ вперилъ свой взоръ въ Жангита.

— „А если она невинна, пусть Аллахъ нака- жетъ меня!“ отвѣчалъ Жангитъ.

— „Аллахъ великъ!“ и стариkъ возвысилъ го- лось, „я проклинаю того, кто виновенъ! Аллахъ! Аллахъ!“ голова его опустилась, губы шептали какія-то непонятныя слова. Вся толпа, окружав- щая этихъ людей стояла безмолвно, охваченная ужасомъ. Видъ старика, съ поникшою голо- вою, имѣлъ видъ грознаго судьи, но не того судьи, который творить судъ съ оружіемъ въ рукахъ; это было нѣчто другое, болѣе грозное, болѣе ужасное... Глаза всѣхъ были устремлены на него. Вотъ стариkъ возвелъ руки къ небу; онъ кончилъ и какъ-бы шеп- ча еще молитву, тихо произнесъ: „Аллахъ! Аллахъ!“...

Что-то страшное, сверхъестественное со- вершилось въ эту минуту; каждый чувство- валь это „что-то“, но никто не отдавалъ себѣ отчета, что это было. Жангитъ, какъ громомъ пораженный, трялся всѣмъ тѣ- ломъ; лицо его покрылось мертвой блѣдно-стью.. Въ эту минуту тяжелый вздохъ за- бытой всѣми Айсулу вывелъ присутствую- щихъ изъ озѣренія. Всѣ глаза обрати-

лись въ ту сторону и вдругъ изъ всѣхъ усть лось его становился строгимъ; вырвалось громкое, испуганное: „Аллахъ“. Айсулу лежала на подушкахъ съ открытыми глазами, обращенными съ любовью на отца, и какъ бы только что проснувшись, отъ пріят-

иаго сна, протягивала къ нему свои, со- вершенно здоровыя, цѣлые руки. Повязки изъ кисейной чалмы валялись на подушкахъ.

Когда и какъ произошло это чудо, никто не зналъ; всѣ видѣли лишь въ этомъ волю и судъ самого Аллаха. Жангитъ упалъ на колѣни, подползъ къ Айсулу и не стѣсняясь присутствиемъ постороннихъ, покрывалъ ее поцѣлуями. Крупныя слезы катились изъ его глазъ.

— „Жангитъ!“ строго сказалъ стариkъ, „ос- тановись; Аллахъ велиkъ! Онъ награжда- етъ невинно пострадавшихъ и строго нака- зываетъ виновныхъ“. Не успѣлъ онъ догово- рить своихъ словъ, какъ вдругъ страшный ураганъ пронесся надъ урдою и отъ падви- нувшейся черной тучи въ комнатѣ стало такъ темно, что стоявшіе рядомъ не узнава- ли другъ друга. Окна и двери сами собою распахнулись и въ нихъ, страшно извиваясь, поползли невиданныя дотолѣ змѣи.

Жангитъ и окружающіе, кроме Айсулу и ее отца, бросились въ разныя стороны, спа- саясь бѣгствомъ. Змѣи мгновенно наполнили всѣ комнаты дворца, дворъ и даже дома и улицы столицы, лежавшей за урдой и прос- тиравшейся до самаго Сыра. Нигдѣ спасенія не было. Змѣи нападали на людей и грызли ихъ. Первыми погибли Жангитъ и его чер- ный рабъ. Стариkъ-же со своими слугами, бѣлымъ конемъ и съ красавицей Айсулу из-чезли, но когда и куда—никто не видалъ. Змѣи все прибывали и прибывали. Ни въ урдѣ, ни въ городѣ не осталось уже ни од- ного живаго существа; тѣла людей, изъ-денныхъ змѣями, валялись всюду. Три дня продолжалось это истребленіе людей. Изъ всего обширнаго города казалось не оста- лось никого въ живыхъ. Между тѣмъ двое молодыхъ и красивыхъ людей, спасшись ка- кимъ-то чудомъ, бѣжали далеко-далеко отъ столицы Жангита. Какъ имъ удалось избѣ- жать смерти — это известно одному Аллаху, но теперь они, изнуренные, съ разодран- ными о колючку ногами, обливавшимися

кровью, съ ужасомъ оглядываясь по сторонамъ, бѣжали все дальше и дальше. Эти двое были: младшій братъ Жангита, Улу-ханъ и задушевный другъ его, Жала-батырь, сынъ одного изъ сановниковъ. Они изнемогали отъ боли, усталости и голода, но страхъ невольно заставлялъ ихъ идти.

Такъ шли они, не отыхая, три дни и три ночи. На четвертый день имъ стали попадаться курганчи (хутора) подданныхъ Жангита. Вѣсть о бѣдствіи, поразившемъ столицу ханства, до нихъ не дошла, да врядъ-ли и могла бы дойти. Улу-ханъ условился со своимъ другомъ не говорить объ этомъ бѣдствіи народу, а также скрыть свое происхожденіе и убраться дальше, въ какое нибудь другое ханство. Оборванная одежда, клочьями висѣвшая на нихъ, невольно заставляла каждого встрѣчнаго видѣть въ нихъ безпріютныхъ скитальцевъ. Не видя опасности, друзья понемногу успокоились, заходили въ курганчи и аулы, разспрашивали о направлении принятаго ими пути. Перешли они наконецъ границу владѣній Жангита и кормясь кое-какъ и чемъ пошло, добрались до границы Бухары. Цѣль ихъ скитанія была намѣчена: имъ нужно было дойти до г. Бухары и поселиться тамъ, благодаря судьбу за свое спасеніе. Вотъ наконецъ и Бухара. На базарной площасти нашлись такие же оборванные скитальцы, которые дѣлились съ ними скучными крохами.

Несколько дней ходили они изъ улицы въ улицу, узнавая городъ и жителей. Все было для нихъ ново.

Наконецъ два друга рѣшили, что они должны получить высшее образованіе, достойное ихъ происхожденія. И такъ каждый выбралъ для себя медрессе: Улу-ханъ выбралъ Миръ-Гарапъ; а Жала-батырь — Кукадашъ. Въ медрессе они были приняты безпрепятственно, сказавшись безродными скитальцами съ береговъ Сыра. Тайну свою каждый изъ нихъ повѣдалъ старшему муллѣ своего медрессе, и то лишь заручившись отъ него клятвою не выдавать ее безъ особенно важной причины.

Проходить мѣсяцъ, другой и больше... Многихъ изъ подданныхъ Жангитъ хана постигло несчастіе, неслыханное, непонятное. Городъ и урда стоять по прежнему на своемъ мѣстѣ, только не выходить никто оттуда.

Нѣтъ ни сборщиковъ податей, ни ханскихъ джигитовъ, рыскавшихъ прежде повсюду.

Купцы изъ ближайшихъ кишлаковъ уезжаютъ по обыкновенію въ базарные дни съ товаромъ къ городу, но что-то ихъ задерживаетъ тамъ и они до сего времени домой не возвращаются. Семьи въ горѣ. Можетъ быть немилостью ханскою томятся несчастные въ сырыхъ юмахъ... Скотоводы, гонявшіе барановъ въ городъ, на продажу — тоже не возвращаются... Родственники тайкомъ пробирались въ городъ, разузнать объ участіи своихъ — и тоже исчезли бесследно... И разнеслась вѣсть по всему ханству, что Жангитъ-ханъ неистовствуетъ, не выпускаетъ никого изъ города, а вновь прибывшимъ отрубаетъ головы.

Ужасъ охватилъ все ханство. Люди бѣжали отъ этого страшного города, забирались въ пески, устроивали тамъ себѣ, за барханами, лачуги, и старались какъ можно рѣже показываться въ людныхъ мѣстахъ. Все отодвинулось на Яны и Куванъ-дарью, готовое, при первой дурной вѣсти, бѣжать за предѣлы ханства. Дороги къ городу скоро стали заростать колючкою и засыпаться пескомъ.

Находились смѣльчаки, которые сторонкой пробирались къ городу и долго за пимъ наблюдали. Но они не могли ничего примѣтить; улицы были совершенно пусты, по вечерамъ даже не было видно и огней въ домахъ. Все показывало, что жизнь въ этомъ многолюдномъ городѣ простояла... Заинтересуетъ это смѣльчака и онъ, сторожась на каждомъ шагу, пробирается къ городу непримѣтными тропинками; вотъ и улицы, и дома; ворота всѣ отворены... Вдругъ онъ чувствуетъ, что что-то живое, холодное обвивается вокругъ его ногъ, охватываетъ ихъ все выше и выше; онъ порывается убѣжать — ноги не могутъ сдѣлать и шага; онъ руками рветъ опутывающія его живыя веревки и замертво падаетъ, пожираемый змѣями... И ужъ не вернуться ему въ живымъ, чтобы повѣдать миру о томъ, что творится въ мертвомъ городе!

Такъ проходилъ годъ за годомъ. Тайна, облекавшая столицу ханства, оставалась неразгаданною. Народъ мало-по-малу привыкъ

къ своему положенію, началъ управляться самъ собою, не платя никому подати.

Дошли слухи и до Хивы, что въ сосѣдствѣ, на устьѣ Сыра, происходитъ что-то необычайное. Хивинскій ханъ неоднократно посыпалъ своихъ людей въ столицу Жангита, но посланные не возвращались. Видя, что онъ имѣетъ дѣло съ чѣмъ-то весьма страннымъ и страшнымъ своею таинственностью, хивинскій ханъ, боясь навлечь какую нибудь бѣду и на свои владѣнія, прекратилъ эти развѣдки.

Прошло десять лѣтъ. Однажды, среди жаркаго лѣта, на правомъ берегу Сыра, противъ Жанкента появилось стадо барановъ. Стадо это состояло изъ трехъ сотъ головъ. Вожакомъ впереди шелъ большой бѣлый козель, съ длинными, прямыми рогами; за нимъ, щипывая по дорогѣ скучную траву, широко разсыпавшись, брели бараны.

Среди мертвой, окружающей тишины, раздавалось рѣдкое посвистываніе единственнаго погонщика барановъ. Мѣховой тумакъ (шапка) съ откидными на четыре стороны лопастями и острымъ верхомъ, прикрывавшій въ палицѣ этой голову погонщика, свидѣтельствовалъ о его киргизскомъ происхожденіи.

Откуда этотъ человѣкъ и зачѣмъ пригналъ онъ сюда своихъ барановъ?

Бараны достигли отлогаго берега Сыра и бросились къ водѣ утолять жажду, а затѣмъ разсыпались въ мелкомъ, зеленомъ камышѣ. Погонщикъ подошелъ къ водѣ, омылъ лицо и голову и растянулся тамъ-же, отдохнуть. Усталые члены его раскинулись на сырой, прохладной береговой глини. Съ удовольствіемъ подставивъ темно-красное лицо свое подъ лучи солнца, киргизъ задремалъ. Въ воздухѣ ни звука; только изрѣдка фыркнетъ гдѣ нибудь по близости баранъ, наткнувшись носомъ на сухой стебель тонкаго камыша, или неосторожно втинетъ много сухой, солнцеватой пыли въ свой горбатый носъ... А задремавшій погонщикъ ничего не слышитъ. Видѣтъ онъ во снѣ далеко, въ Каракумахъ, свой аулъ... Голые ребятишки его ползаютъ около него, залѣзаютъ къ нему на грудь; онъ лагковою рукою треплетъ ихъ обнаженные спины, и лицо его широко расплывается въ

довольную улыбку. Среди юрты весело трещитъ подъ очагомъ камышъ; въ котлѣ кипитъ вода, переворачивая куски мяса и кости молодаго ягненка, зарѣзанаго имъ сегодня, для обѣда. Подходитъ къ нему жена и смеясь толкаетъ въ бокъ... Онъ открываетъ глаза... Яркіе лучи солнца такъ и рѣзнули его; въ первую минуту его такъ ослѣнило, что онъ не видѣтъ ничего и не понимаетъ... Гдѣ же его юрта? Гдѣ жена и дѣти?... А готовый обѣдъ?... Оглядывается, а баранъ, раскошавши у его бока землю, ложится подъ него, стараясь укрыться отъ жары въ полоскѣ тѣни, бросаемой вытинутымъ тѣломъ своего хозяина... Вотъ она, дѣйствительность!.. „Эхъ! вздохнулъ киргизъ,“ двадцатый день уже гоню я барановъ, а сколько еще гнать—Худай беледы! (Богъ знаетъ). Съ дороги кажется не сбился, вотъ и Сыръ... Наші говорили, что надо идти все прямо, по этой дорогѣ; пойдутъ дорожки и на право, и на лѣво, а нужно все прямо. На Сырѣ есть большой, большой городъ; это вотъ тотъ должно быть, что вдали видаешься. Въ городѣ, говорятъ, не заходи. Ханъ барановъ отбереть. Людей, слава Аллаху, не видно; ночью переплавлю барановъ и прогоню дальше...

Пронесся по Каракумамъ, населеннымъ киргизскими родами, Богъ вѣсть кѣмъ занесенный слухъ, что въ Бухарѣ сильно вздорожали бараны, что за сто барановъ даютъ цѣлую арбу съ разнымъ товаромъ и что стоитъ только барановъ туда пригнать, чтобы сдѣлаться богатымъ купцомъ. Нашлись люди, рассказавшіе какого пути держаться нужно. Вотъ и задумалъ знакомый уже намъ киргизъ отправиться со своими баранами въ Бухару, искать счастья. Если изъ трехъ сотъ барановъ только сто придетъ на мѣсто, и то слава Богу!

Поднялся киргизъ на ноги, пошелъ онъ тихимъ шагомъ, переваливаясь со стороны на сторону, между баранами, ища чего-то глазами. Вотъ онъ нашелъ, направился прямо въ кучу барановъ къ одному изъ нихъ, самому большому. Тотъ спокойно обрывалъ молодые листья камыша и не прерывалъ своего занятія, когда киргизъ подошелъ къ нему и началъ развязывать державшійся на его

спинъ, небольшой мѣшочекъ. А киргизъ отвязвавъ этотъ маленький вьюкъ, направился съ нимъ снова къ берегу. Тутъ онъ досталъ изъ мѣшка нѣсколько шариковъ „ крута“ (сыръ изъ стущенного кислого молока), развязалъ другой такой-же мѣшочекъ, принесенный имъ на своей спинѣ и досталъ изъ него небольшую деревянную чашку (табакъ). Забравъ все это, онъ спокойно опустился на землю, у самой воды, подобравши подъ себя ноги. Зачерпнулъ онъ мутной водицы въ чашку, опустилъ туда же два-три шарика крута и началъ кружить ихъ пальцемъ по чашкѣ. Вода въ чашкѣ скоро начала бѣлѣть и когда распустились шарики, получилась полу-густая, молочная масса. Онъ съ наслаждениемъ началъ пить эту массу маленькими глотками. (Это кисловатое молочное питье довольно питательно и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно утоляетъ жажду). Такимъ образомъ, распуская сырные шарики въ водѣ, онъ выпилъ нѣсколько чашекъ, затѣмъ, зачерпнувъ еще воды, сполоснулъ чашку.

Жаръ постепенно сваливалъ и солнце спускалось къ горизонту.

Киргизъ пошелъ въ камыши и забравшись въ самую гущу ихъ, гдѣ росла куга (родъ плохаго мѣстнаго тростника) началъ сгребать въ кучу высохшіе, валившіеся на землю, стебли ея. Затѣмъ онъ нарвалъ молодой зеленой куги и свилъ изъ нея нѣсколько недлинныхъ веревокъ, разостлавъ ихъ параллельно одна другой съ небольшими промежутками и собранную сухую кугу наложилъ на эти веревки, пригоняя и укладывая ее крестообразно. Стинувъ концы веревокъ, онъ приготовилъ довольно объемистый снопъ. Такимъ же образомъ былъ связанъ и другой снопъ. Снопы эти, по одному, онъ подтащилъ на берегъ Сыра и уложилъ ихъ рядомъ, у самой воды. Свитыми изъ куги-же веревками онъ связалъ снопы, а сверху прикрепилъ къ нимъ два мѣшечка съ провизіей. Устроивъ этотъ „салъ“ (плотъ), онъ присѣлъ отдохнуть.

Пока киргизъ все это дѣлалъ, вечеръ вступилъ и изъ за горизонта выплыла полна луна, далеко освѣщаю степь своимъ блѣднымъ свѣтомъ.

Киргизъ пытливо всматривался въ виднѣв-

шійся за рѣкою городъ: ни одного огонька не мелькнуло въ немъ и ничто не указывало на близость человѣка. Тихо, безъ шума началъ онъ подгонять къ рѣкѣ свое стадо. Бараны, одинъ за однимъ подходили къ берегу, сбиваясь въ плотную кучу. Погонщикъ, сгняя ихъ, старался ближе держаться къ бѣлому козлу. Окинувъ въ послѣдній разъ окрестности внимательнымъ взглядомъ, съ цѣлью убѣдиться: нѣть-ли гдѣ запоздавшихъ, онъ ловко накинулъ на шею вожаку-козлу педлинный, волосиной арканъ, быстро прикрѣпилъ другой конецъ его къ плоту и столкнулъ его въ воду, стараясь дальше оттолкнуть отъ берега. Когда плотъ и привязанный къ нему козелъ медленно поплыли по теченію, погонщикъ быстро забѣжалъ за стадо и рѣзкимъ свистомъ началъ гонять барановъ въ воду. Животныи, испуганно заметались по берегу, но видя, что вожакъ ихъ плыветъ, сначала одинъ за однимъ, а затѣмъ и всѣмъ стадомъ, бросились въ рѣку и поплыли за козломъ. Погонщикъ пустился по берегу, догоняя уплывающей плотъ, снялъ на бѣгу рубашку и обвязалъ ее во-

кругъ тѣла, а самъ бросился въ воду, пробираясь между кучами плывшихъ барановъ. Вотъ онъ добрался до своего плотика, взобрался на него, растянулся на немъ ничкомъ и мѣрными ударами по водѣ ладопей, какъ веслами, направляя плотъ къ противоположному берегу. Все это заняло не болѣе пяти, шести минутъ времени. Бараны, послушные своему вожаку, слѣдили за его направленіемъ и плыли всѣмъ стадомъ, не отставая отъ плота.

Добрыхъ три четверти часа плыли бараны и далеко таки отнесло ихъ теченіемъ рѣки. Наконецъ плотъ ударился о берегъ и лежавшій на немъ киргизъ, скочивъ въ воду, держась одной рукой за плотъ, другою ухватился за растущій тутъ камышъ. Къ счастью, берегъ оказался отлогимъ и бараны, одинъ за другимъ выходили изъ рѣки, отряхивая воду, наполнившую ихъ густую шерсть.

Когда бараны выбрались изъ рѣки, киргизъ окинулъ беспокойнымъ взглядомъ все стадо, скучившееся на берегу, тяжело дышавшее отъ усталости.

Сколько погибло, не пересиливши течения по всему пути.

Сыра, онъ опредѣлить еще не могъ, но привычный его глазъ не замѣтилъ большой потери. Онъ возблагодарилъ Аллаха за счастливую переправу и самъ, усталый, прилегъ на берегу, отдохнуть. Бараны, непривычные къ почтнымъ перегонамъ и утомленные переправою, кучей улеглись тутъ-же, около погонщика.

Гнать усталое стадо ночью было рискованно и погонщикъ, оставилъ барановъ отдохнуть часа два, рѣшивши поднять ихъ передъ утренней зарей.

Время отъ времени онъ беспокойно вглядывался въ темную массу города, боясь, не обратилъ-ли онъ на себя чье либо вниманіе. Но, слава Аллаху, городъ по прежнему не показывалъ признаковъ жизни.

Передъ разсвѣтомъ погонщикъ поднялся, привязалъ мѣшечки съ провизіей на спины болѣе сильныхъ барановъ, отыскалъ спавшаго козла и нѣсколькими легкими ударами палки заставилъ его встать и ободриться. Бараны, видя вожака на ногахъ, готоваго къ пути, разсыпались по окрестности, почищивая мелкій камышъ. Погонщикъ только этого и ждалъ.

Едва примѣтная, поросшая рѣдкимъ камышемъ, тропинка вилась влѣво отъ берега. Погонщикъ короткими, сдержанными постыдстваніями направлялъ стадо на эту тропинку. Козелъ-вожакъ, какъ-бы угадавъ желаніе хозяина, твердымъ шагомъ направился по ней. Стадо двинулось за нимъ. Проходя вблизи урды мертваго города, киргизъ болезливо оглядывая окрестности, невольно тормозилъ стадо.

Слава Богу, вотъ онъ и городъ миновалъ, и въ предразсвѣтномъ мракѣ уже едва были примѣтны высокія стѣны урды. Мракъ началъ разсѣваться и на востокѣ бѣлан полоска разсвѣта едва примѣтно прорѣзала край горизонта. Эта полоска росла, расходилась въ стороны.. приближался утренній разсвѣтъ. Новѣлло прохладой — лучшее время для перегона скота. Бараны весело и скоро подвигались впередъ.

Вотъ и совсѣмъ разсвѣло, скоро и лучи солнца длинными прозрачными нитями протянутся по землѣ, золотя верхушки придорожной, грубої травы, клочками разбросанной

— „Аллахъ! Что-же это такое?.. и сердце погонщика тревожно забилось. Онъ увидѣлъ на длинныхъ, прямыхъ рогахъ козла вожака обвившихся двухъ большихъ змѣй...

Киргизъ такъ и замеръ отъ испуга .. „Что, если змѣи ужалятъ козла и онъ падетъ?.. Прощай тогда мечты его!.. Какъ онъ дальше погонитъ свое стадо?. Бараны его такъ привыкли къ этому вожаку, что безъ него гнать ихъ одному человѣку было невозможно. Онъ подвигался за стадомъ, а голова его работала надъ мыслью: какъ убить змѣй, чтобы спасти козла? Страннымъ показалось погонщику, что козель, какъ-бы не чувствуя непріятной поши, весело идетъ дальше Ирѣшиль киргизъ не тревожить змѣй до почлега, а тамъ—авось ему удастся ихъ убить ..

Въ полдень, въ самую жару, стадо еле-еле подвигалось впередъ, широко разсыпавшись по степи. Къ вечеру, когда бараны прибавили шага, почуявъ близость прохлады, погонщикъ замѣтилъ въ сторонѣ отъ тропинки, между песчаными барханами, какой-то черный предметъ, похожій на котель. Шедшій впереди козель тоже примѣтилъ этотъ предметъ и быстро повернулъ къ нему. Стадо не отставало отъ вожака.

Предположеніе погонщика подтвердилось; черный предметъ оказался дѣйствительно большимъ котломъ, а рядомъ съ нимъ теперь показался и чилякъ (деревянное ведро), съ длинною волосяною веревкою. „Слава Аллаху — колодезь!“ Въ былое время по всей степи, по обоимъ берегамъ Сыра, въ пескахъ, въ различныхъ направленіяхъ были вырыты колодцы. У каждого колодца непремѣнно стоялъ котель и ведро съ веревкою. Кто и когда нарылъ эти колодцы, кто оставилъ котель и ведро для путешественника, — никому неизвѣстно, но каждый, нашедши такой колодецъ, возносилъ горячія молитвы за благодѣтельного человѣка.

Именно такой-то колодецъ и увидѣлъ погонщикъ барановъ. Бараны, чуя присутствіе воды, жалобно блѣали, тыча свои горбатыя морды въ нагрѣтый лучами солнца котель, облизывая его своими высохшими языками. Погонщихъ взялъ ведро, испытывая крѣпость веревки, выдержитъ ли она тяжесть ведра съ

волову, чтобы, въ случаѣ опасности, навязать узель на ненадежномъ мѣстѣ.

Бездонная песчаная пустыня невольно заставляетъ путника быть осмотрительнѣе.

Веревка оказалась надежною и погонщикъ, торопясь, зачерпалъ воду ведромъ, выливая ее въ котелъ. Не успѣлъ онъ вылить ведро, какъ вода мгновенно поглощалась мучившимися отъ жажды баранами. Они, толкая другъ друга, лезли къ котлу и съ жадностью облизывали капли воды съ мордъ счастливыхъ товарищѣй, успѣвшихъ освѣжиться солоноватою влагою.

За хлопотами и заботами поскорѣе напоить измученное стадо, погонщикъ забылъ о двухъ исцугавшихъ его змѣяхъ; а когда онъ вспомнилъ о нихъ и отыскалъ глазами козла, то на рогахъ его змѣй уже не было. Вооружившись своею длинною палкою, киргизъ обошелъ все мѣсто расположенія стада, отыскивая за каждымъ кусточкомъ чахлой травки своихъ враговъ. Всѣ его поиски оказались тщетны; заключивши, что змѣи уползли куда нибудь далеко, онъ успокоился.

Отыскалъ погонщикъ своихъ барановъ, замѣнившихъ ему выючныхъ животныхъ, снялъ съ нихъ мѣшечки съ провизіей и зачерпнувъ воды изъ колодца, съ такими же разстановками и сосредоточенностью, какъ и прежде, и съ тѣми-же приемами, поужиналъ крутомъ и расположился на ночлегъ, у самаго колодца.

Съ разсѣтотомъ погонщикъ такими-же, какъ и прежде одвообразными, отрывочными посвистываніями, по уже не сдерживаемыми, изъ опасенія возбудить чье либо вниманіе, поднялъ свое стадо, напоилъ его изъ котла и погналъ дальше. Снова стадо разсыпалось широкою полосою по степи, слѣдуя за своимъ вожакомъ, какъ вдругъ киргизъ, при утреннемъ разсвѣтѣ, снова примѣтилъ на рогахъ козла обвившихся змѣй... Пораженный этимъ явленіемъ, киргизъ призывалъ на защиту Аллаха.

Къ вечеру онъ пришелъ къ такому-же колодцу, также напоилъ барановъ, также и самъ поужиналъ..

Такъ гналь киргизъ своихъ барановъ изо дня въ день все дальше и дальше; змѣи по вечерамъ скрывались неизвѣстно куда, а утромъ, лишь только бараны поднимались

въ путь, обвивали уже рога козла, который повидимому никакъ не тяготился ими.

Не одинъ уже десятокъ дней гналь киргизъ своихъ барановъ послѣ переправы черезъ Сыръ.

Наконецъ начали ему встрѣчаться по дорогѣ аулы такихъ-же киргизъ, только изъ другихъ родовъ и все народъ привѣтливый. Указывали ему дорогу, приглашали, какъ гости, въ свои юрты и время отъ времени угождали даже бараниной и казы, сохранившимися отъ зимы (*).

Приключение со змѣями въ глазахъ всѣхъ встрѣчныхъ ставило погонщика на степень „баксы“ (колдуна) и никто не рѣшался украдь изъ стада его хотя бы одного барана, а побѣствованія его обѣ этомъ чудѣ дѣлали его интереснымъ рассказчикомъ... Въ аулахъ опять узналь, что находится уже въ предѣлахъ Бухары, и что городъ не далеко; что бараны въ Бухарѣ, послѣ падежа во всей степи, дѣйствительно сильно вздорожали. А вотъ и сама благородная Бухара (Бохара-эль-шерифъ).

Гонитъ киргизъ барановъ по улицѣ, къ скотной площади, а къ нему все прибываетъ и прибываетъ народъ. Вопросы такъ и сыплются со всѣхъ сторонъ: зачѣмъ это опять обвилъ рога козла змѣями?... А киргизъ, видя, что обратилъ на себя вниманіе толпы и соображен, что не дурно воспользоваться этимъ и сбыть барановъ подороже, въ сотый разъ ведеть рѣчь о чудѣ.

Вотъ наконецъ и площадь.

Погонщика окружили „жалданы“ (перекупщики) и богатые купцы. Кто торгуется барановъ, кто спрашиваетъ о змѣяхъ. Киргизъ не успѣваетъ даже отвѣтить на вопросы... Вдругъ толпа съ крикомъ: „О! Алла!“ кинулась во всѣ стороны отъ барановъ, спѣша укрыться кто на стѣнѣ, кто на плоской крыше духановъ...

Змѣи спокойно сползали съ роговъ козла на землю. Толпа не спускала съ нихъ глазъ. Вотъ онъ рядомъ поползли по площади, выбираясь изъ подъ ногъ стоявшаго тамъ скота...

(*) „Казы“ конченое лошадиное мясо, обыкновенно приготовляемое киргизами въ проѣкъ, на зимнее время.

Вотъ онъ показались на окраинѣ площади, и остановились, какъ-бы о чёмъ-то раздумывая.. Наконецъ одна изъ нихъ, извивая свое тѣло, быстрыми движеніями поползла въ улицу, другая-же въ какой-то перѣшительности, ползала по площади; вотъ и она направилась тоже въ улицу, по противуположную пути первой змѣи.

Въ толпѣ послышалось сдержанное: „О Алла!“ и она, раздѣлившись на двѣ кучи, перебираясь съ крыши на крышу, слѣдила за направленіемъ змѣй.

Первая змѣя направилась въ открытый ворота медрессе Миръ-Гарацъ. Тамъ, въ обширномъ дворѣ его, она поползла по галлереѣ, окружающей отдѣльные коморки учащейся молодежи и юркнувъ въ одну изъ открытыхъ дверей, бросилась на сидѣвшаго за книгою Улу-хана... Мгновенно обвишись вокругъ его тѣла, змѣя впилась ему въ горло и Улу-ханъ, пораженный смертью, повалился на полъ... Толпа, слѣдившая за этой змѣей, замерла въ ужасѣ, а когда она опомнилась, змѣи уже не было и куда она скрылась—никто не замѣтилъ. Точно также погибъ и Жала-батыръ, пораженный второй змѣей въ медрессе Кукалдашъ.

Вѣсть обѣ этомъ происшествіи, передаваясь изъ устъ въ уста, мигомъ облетѣла всю Бухару. Толпы любопытныхъ не покидали обширныхъ дворовъ медрессе. Всѣ видѣли въ этомъ кару свыше... Самъ собою явился вопросъ: кто такие погибшіе? Никто изъ окружавшихъ не призналъ въ нихъ ни родственниковъ, ни знакомыхъ.

Долетѣлъ слухъ обѣ этомъ и до дворца эмира... Немедленно были потребованы къ повелителю главные муллы медрессе. Явившись къ эмиру, они рассказали ему все, что знали о двухъ погибшихъ юношахъ и о судьбѣ столицы Жангитъ-хана, на берегахъ Сыра.

У бухарскаго эмира возникла мысль воспользоваться богатствами дворца; онъ отдалъ приказъ: вооружить десятитысячный отрядъ конныхъ воиновъ и подъ начальствомъ кушъ-беги отправиться въ Жангитъ-кентъ, чтобы забрать тамъ все цѣнное, оставшееся во дворцѣ послѣ гибели обитателей, а также вывезти въ Бухару съ базаровъ и изъ частныхъ домовъ, все что осталось не уничтоженнымъ

земѣями. Отрядъ былъ немедленно сформированъ и двинулся въ путь по указанію задержанного повелѣніемъ эмира, пришедшаго съ Сыра киргиза, который, къ слову сказать, весьма выгодно продалъ своихъ барановъ, а за разсказы свои былъ щедро награжденъ деньгами и халатами самимъ повелителемъ Бухары.

Теперь этотъ киргизъ не казался уже несчастнымъ, оборваннымъ погонщикомъ, а въ богатомъ красномъ халатѣ, на ворономъ аргамѣкѣ, съ набитымъ серебромъ и тиллями поясомъ,—важно разъѣжалъ по городу въ свитѣ кушъ-беги. Нерѣдко даже взмахивалъ онъ нагайкою, грозя толпѣ, и пролагалъ себѣ дорогу, расталкивая грудью своей лошади неуспѣвшихъ посторониться съ его пути пѣшеходовъ... Однимъ словомъ, знакомецъ нашъ находилъ, что Бухара недурной городъ, эмиръ—совсѣмъ хороший человѣкъ, а онъ самъ, если и не акъ-сукъ (блѣдая кость, т. е. дворянинъ), то во всякомъ случаѣ писколько не ниже самаго кушъ-беги. И вотъ, вернется онъ въ Каракумы, ему будетъ что поразсказать своимъ сородичамъ.

Сколько времени шелъ отрядъ—неизвѣстно, но наконецъ онъ достигъ береговъ Сыра и остановился въ виду Жангитъ-кента. Кушъ-беги, собравъ вокругъ себя всѣхъ воиновъ, двинулся въ городъ. Люди разсыпались по городу и дворцу, забирая все, что попадалось подъ руку и не замѣтили въ горячкѣ грабежа, что змѣи со всѣхъ сторонъ громадными массами идутъ на нихъ. Вотъ онъ, одна за другой, бросились на людей и снова началась также картина истребленія всего живаго, какъ и при первомъ нашествіи змѣй. Нѣкоторымъ изъ воиновъ удалось на лошадяхъ выскакать за городъ; всѣ они стремились къ оставшемуся на берегу обозу, но опутанные змѣями, съ лошадьми вмѣстѣ, покрывали поле вокругъ города, валялись обезображенными, бездыханными трупами. Оставившись въ обозѣ, видя что товарищи ихъ погибаютъ такою ужасною смертью, бросили все, что находилось въ обозѣ, захватили только лучшихъ скакуновъ и въ паническомъ страхѣ, беспорядочною толпою поскакали въ обратный путь. Не давая отдыха ни себѣ, ни лошадямъ, они скакали трое сутокъ,

пока наконецъ не начали попадаться имъ изрѣдка разбросанные юрты кочующихъ киргизъ, бывшихъ подданныхъ Жангитъ-хана. Тутъ только повѣдали они его злонелучшемъ подданнымъ, какая участь постигла ихъ повелителя со всѣмъ населеніемъ столицы.

Киргизъ, бывшій погонщикъ барановъ, оставилшійся въ обозѣ и втайне рѣшившій улучить удобное время, чтобы броситься въ Сыръ на свое мѣсто аргамакѣ, переплыть его и скакать въ родныя Каракумы, со страха невольно вмѣшался въ общую толпу и тоже скакаль обратно, въ Бухару. Наконецъ остатки воиновъ эмира достигли Бухары и донесли своему повелителю объ участіи, постигшей его вѣрныхъ слугъ, съ кушъ-беги во главѣ.

Все это сильно поразило эмира, но не ослабило его страсти къ легкой паживѣ. Онъ подумалъ: „если Аллахъ послалъ змѣй, наказать грѣшный городъ, то онъ-же сдѣлаетъ ихъ безвредными для людей благочестивыхъ.“

Былъ созванъ совѣтъ изъ всѣхъ мудрыхъ людей ханства, на которомъ было решено: отыскать въ ханствѣ такихъ муллъ, которые бы съумѣли, словами заклинаній и молитвъ, обратить жангитъ-кентскихъ змѣй въ безвредныхъ тварей. Гонцы эмира поскакали во всѣ стороны, собрать всѣхъ мулль ханства въ Бухару.

Вскорѣ муллы были собраны во дворецъ и самъ эмиръ объявилъ имъ, что они должны выбрать изъ среды своей иѣсколькихъ благочестивыхъ людей, которые бы своею жизнью и познаніями корана были первыми, а главное—умѣли-бы заворожить змѣй. При этомъ эмиръ объявилъ мулламъ, что тотъ, кто заговорить змѣй, долженъ первымъ испытать силу своихъ молитвъ и заклинаній.

Девять сутокъ совѣщались муллы. Наконецъ двое престарѣлыхъ муллъ, известные своею благочестивою жизнью, были избраны заклинателями. Снова собранъ былъ отрядъ въ 10 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ новаго кушъ-беги, и захвативъ съ собою мулль и вожака-киргиза, направился къ Сыру.

Достигнувъ береговъ рѣки, воины увидѣли, что все, брошенное ихъ товарищами въ обозѣ, осталось нетронутымъ, а не захваченные бѣжавшими вычные лошади мирно

насласились по береговымъ камышамъ. Это обстоятельство привело муллъ къ догадкѣ, что кругъ вреда, наносимаго змѣями, ограниченъ только однимъ городомъ и что они совершили безопасно могутъ стоять вблизи Жангитъ-кента.

Цѣлые дни и ночи благочестивые муллы, по-очередно и всѣ вмѣстѣ, выкликали слова молитвъ и заклинаній. Три мѣсяца жили воины на берегу Сыра. Наконецъ, въ одинъ изъ вечеровъ, муллы объявили кушъ-беги, что на другой день, съ восходомъ солнца одинъ изъ нихъ отправится въ городъ испытать силу своей молитвы надъ змѣями.

Ночь ожиданія всѣми была проведена въ страхѣ и тревогѣ. Утромъ мулла, которому надлежало совершить испытаніе, послѣ намаза и омовенія по всѣмъ правиламъ корана, одѣвшись въ чистую рубаху и повязавъ голову бѣлою чалмою, тихими шагами, творя заклинанія, направился въ городъ. Всѣ съ замираніемъ сердца смотрѣли на удаляющагося старика.

Долго пришлось воинамъ стоять въ тоскливомъ ожиданіи; наконецъ что-то бѣлое показалось на окраинѣ города, и вдругъ оглушительное: „о! Алла!“ пронеслось по берегу. Сѣдой старецъ мулла, здравый и невредимый, медленно подходилъ къ воинамъ.

Совершивъ благодарственную молитву, онъ рассказалъ кушъ-беги, что теперь воины могутъ свободно идти въ городъ: змѣи для нихъ безопасны.

Удивленію, похвалами и поклоненію муллъ не было конца. Кушъ-беги объявилъ воинамъ, что съ наступлениемъ слѣдующаго дня всѣ они, совершивши молитву, съ муллою во главѣ, двинутся въ городъ.

Почти эта была проведена бухарскими воинами еще тревожнѣе, чѣмъ предъидущая. Каждый думалъ о своихъ прегрѣщеніяхъ. Что безопасно благочестивому муллу, то грѣшнику могло быть гибелю.

Наконецъ наступило утро; намазъ былъ совершенъ и всѣ, съ блѣдными отъ страха лицами, направились въ городъ густою толпою, тѣснясь одинъ къ другому. Вотъ и городъ... Змѣи покрываютъ всѣ улицы и толпа невольно остановилась... Мулла произнесъ заклинаніе и вошелъ въ кругъ змѣй. Змѣи

не бросились въ разныя стороны, какъ обыкновенно это бываетъ съ ними, при приближеніи человѣка, а посторонились только, давъ муллѣ дорогу. Воины послѣдовали за муллою; змѣи и имъ дали дорогу.

Этого было достаточно.

Страхъ миновалъ; всѣ разсыпались по урдѣ и городу, отыскивая золото, серебро и цѣнныя вещи.

Вечеромъ къ обозу начали приносить изъ города всякое богатство и много его въ тотъ день спасено было на берегъ Сыра.

А знакомецъ нашъ, киргизъ, когда воины двинулись къ городу, не смотря на разбиравшую его охоту поживаться частичкой чужаго добра, взѣсилъ въ умѣ всѣ свои прегрѣшенія и не вѣря въ силу молитвъ и заклинаній бухарскаго муллы, сѣлъ на своего воронаго аргамака, подѣхалъ къ береговому обрыву, ощупалъ поясъ, тugo набитый бухарскими золотыми монетами, подтянулъ его покрѣпче и свиснувъ по прежнему, какъ бывало на барановъ, ударила воронаго аргамака нагайкою и бросился въ Сыръ. Черезъ полчаса онъ былъ уже па другомъ берегу и направлялъ своего скакуна по знакомой ему тропинкѣ, въ степь Каракумы...

Воины въ теченіи тридцати дней все уходили въ городъ, выноси оттуда разное имущество...

Такимъ-то образомъ были заговорены жанкентскія змѣи; послѣ этого все цѣнное имущество и деньги хана Жангита и купцовъ горожанъ было вывезено въ Бухару (¹)...

Въ заключеніе считаю нужнымъ прибавить, что мѣстность, на которой стоять развалины Жанкента—дѣйствительно какое-то средоточіе змѣй; но эти змѣи на столько безопасны, что киргизы, со своими семьями, круглый годъ стоять тамъ аулами, тѣмъ болѣе, что въ окружности Жанкента существуетъ много хлѣбопахатныхъ полей. Кромѣ того, нерѣдко какъ киргизамъ, такъ и русскимъ, добывающимъ изъ развалинъ древняго города жженый кирпичъ, случается находить среди мусора большие клубы свившихся въ общую массу живыхъ змѣй. Случаевъ ужаленія этими змѣями никто не помнитъ, хотя между сыръ-даргинскими змѣями и встрѣчаются ядовитыи.

Е. Александровъ.

Еще нѣсколько

Словъ о Гератѣ.

Въ 14 № „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ была помещена замѣтка о Гератѣ. Настоящія событія на Балканскомъ полуостровѣ временно заслонили собою афганскій вопросъ; но нѣть сомнѣнія, что онъ снова будетъ выдвинутъ, можетъ быть даже въ весьма непродолжительномъ времени. По этому мы полагаемъ, что намъ, туркестанцамъ, необходимо какъ можно ближе знакомиться со странами, которыхъ неминуемо будутъ когда нибудь ареной политической дѣятельности двухъ могущественныхъ европейскихъ государствъ: Россіи и Англіи. Для начала, мы предлагаемъ нѣсколько свѣдѣній о Гератѣ. Мы считаемъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что литература наша крайне бѣдна сочиненіями о Гератѣ; всѣ печатныя свѣдѣнія о немъ разбросаны, не сгруппированы. Въ послѣднее время, какъ въ русской, такъ и въ англійской литературѣ, намъ удалось почерпнуть нѣсколько свѣдѣній о „вратахъ Индіи“, и мы взяли на себя смѣлость сгруппировать ихъ, собрать въ одну связную картину и подѣлиться читателями „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ добытыми этимъ путемъ свѣдѣніями.

Еще въ XIV вѣкѣ Гератѣ былъ однимъ изъ цвѣтущихъ городовъ Средней Азіи. О его красотѣ и значеніи сохранилось даже и до нашего времени нѣсколько восточныхъ поговорокъ. «Когда тебя спросить, какой городъ первый въ мірѣ», гласить одна поговорка, „то если не хочешь солгать, говори, что Гератъ!“ Другая пословица говоритъ: «Хороссанъ — жемчужная раковина всего міра, а Гератъ — его жемчужина».

Гератъ — предверіе Индіи; всѣ завоеватели этой страны (кромѣ англичанъ) вступали въ Индию его вратами. Гератъ также